

Когда Лань Мулинь вернулся, хозяева принялись настойчиво зазывать гостей остаться на ночлег. Маленький Тянь Тянь мертвой хваткой вцепился в Нань Вана, умоляя лечь спать вместе с ним в его каморке. Он спорить не стал. Он долго стоял на пороге в полном одиночестве, вглядываясь в бездонное ночное небо, пока старик бесшумно не вырос у него за спиной.

— Старче, почему вы не спите? — не оборачиваясь, тихо спросил он.

Старик глубоко, со свистом вздохнул и покачал головой:

— Пришел поклониться тебе еще раз, сынок. Наша семья вовек не забудет, что ты спас нам жизнь.

— Пустяки, не стоит благодарности, — он обернулся и мягко улыбнулся.

Его улыбка в полутьме была подобна далекому свету одинокой звезды — чистая и прохладная. Старик на миг замер, залюбовавшись им, а затем несмело шагнул ближе:

— Молодой господин, могу я... могу я поведать тебе одну старую историю?

Он понимающе кивнул:

— Конечно. Я слушаю вас.

Тем временем в душной каморке Тянь Тянь увлеченно шептал на ухо Нань Вану, нетерпеливо дергая того за рукав:

— Слушай, на улице сегодня небо такое чистое, все звезды видать! Пойдем, я покажу тебе тайное место!

Нань Ван с опаской покосился на закрытую дверь:

— А если нас поймают?

— Да ну, не бойся! — отмахнулся Тянь Тянь. — Отец с матерью уже дрыхнут без задних ног, а дедушку, если он заснул, из пушки не разбудишь. Идем же!

Мальчишки, крепко взявшись за руки, на цыпочках подошли к выходу, но тут заметили, что тяжелая входная дверь приоткрыта. С улицы сквозь узкую щель тянуло ночной прохладой.

Нань Ван мгновенно среагировал — рванул приятеля назад и приложил палец к губам. Тянь Тянь послушно замер, затаив дыхание.

Припав к щели, они принялись вслушиваться в приглушенные голоса, доносившиеся со двора.

— Много лет назад была у меня дочь, — тихо, с горькой хрипотцой заговорил старик. — Первая красавица на все село, глаз не отвести. Когда ей исполнилось восемнадцать, в наши края забрел один мечник. Сильный был, гордый, мечом владел так, что дух захватывало. Ну и моя глупышка влюбилась в него без памяти, с первого же взгляда.

Он умолк, словно заново переживая те дни, а затем продолжил:

— Девчонка верила, что раз она краше всех в округе, то и этот воин перед ней не устоит. Так оно и вышло — сошлись они. Мать ее тогда на коленях умоляла, слезы лила, просила одуматься — все без толку. Упрямыца собрала узелок и ушла вслед за ним, даже не оглянувшись. А когда ушли, прослышали мы, что родила она дитя. Только вот мать ее так и слегла, не дождавшись внука, да и преставилась вскоре. Дочка, видать, решила, что это она мать в могилу свела, оттого и побоялась на глаза нам показаться.

Тянь Тянь прижался плечом к Нань Вану и еле слышно шепнул:

— Кажется, дедушка про мою тетю рассказывает...

Нань Ван ничего не ответил. Он лишь молча смотрел на друга, боясь пропустить хоть единый звук.

— Прошло несколько лет, — вновь донесся из темноты надтреснутый голос деда. — И пришло от нее письмо к брату — моему сыну. Писала, что обманул ее этот проклятый мечник. Поиграл да и выбросил на улицу, замуж так и не взял. Осталась она совсем одна, без гроша в кармане, с младенцем на руках. Сын мой как прочитал — аж зубами заскрипел. Помчался искать мерзавца, чтобы поквитаться за сестру, да куда простому крестьянину против мастера боевых искусств? Избили его там до полусмерти и вышвырнули вон. Хотел он тогда сестру разыскать и силой домой вернуть, да только кто ж знал, что она...

Старик не выдержал, прерывисто вздохнул и утер набежавшие слезы широким рукавом холщовой рубахи:

— Не стало нашей девочки. Сын от горя чуть умом не тронулся, а я — что с меня, дряхлого, взять? Одно горе. Если бы не ты, молодой господин, мы бы и последнего ребенка в этой семье потеряли.

Он сочувственно коснулся плеча старика и тихо произнес:

— Старче, бывое не воротишь. Главное, что сейчас беда миновала и все живы.

Старик покорно кивнул, а затем, помедлив, спросил:

— Твоя правда... Господин Лань, скажи на милость, у твоего маленького ученика... нет ли при себе нефритовой подвески, на которой вырезан цветок сливы?

— Есть, — подтвердил он. — Когда я нашел его, он крепко сжимал её в кулачке.

Старик надсадно вздохнул:

— Моя покойная дочка перед побегом украла эту подвеску у матери. Нефрит с узором переплетенных ветвей сливы — наша семейная реликвия, из поколения в поколение передавалась...

Лань Мулинь на мгновение замер от неожиданности, но в следующую секунду в его голове все кусочки мозаики сложились воедино.

За дверью Нань Ван оцепенел. Мысли его разом спутались, а в ушах зашумело так сильно, что все последующие слова превратились в глухой гул.

«Так этот старик... мой родной дедушка?»

В груди разлилось странное, щемящее тепло, смешанное с горькой обидой.

— Раз уж я дед этому сироте, — донесся до него тихий голос старика снаружи, — а ты, молодой господин, человек чистой души и благородного сердца, то я спокоен. Вверяю мальчика твоим заботам. Позаботься о нем.

Лань Мулинь почтительно склонил голову:

— Благодарю за доверие, старче. Я сделаю все, что в моих силах.

Тянь Тянь так и не понял сути подслушанного разговора. Он хотел было расспросить друга, но заметил, что Нань Ван стоит бледный как полотно и отрешенно смотрит перед собой.

— Эй, они, кажется, идут обратно! — испуганно шепнул Тянь Тянь, увлекая его вглубь комнаты.

Нань Ван вздрогнул, выныривая из оцепенения. Словно марионетка, он послушно кивнул и позволил увести себя назад к постели.

Оказавшись под одеялом, он невольно запустил руку под ворот рубахи и крепко сжал пальцами прохладный нефритовый кругляк.

— Только умоляю, — слышался напоследок глухой голос старика, когда они с Лань Мулинем входили в дом, — не говори мальчику ничего раньше времени. Тот мечник... он ведь...

Договорить старик не смог, лишь безнадежно махнул рукой и понурился. Лань Мулинь немного помолчал, обдумывая услышанное, а затем негромко спросил:

— Старче, этот мечник... носит фамилию Нань?

Старик скорбно опустил голову, подтверждая догадку, и больше не проронил ни слова.

На следующее утро, когда Лань Мулинь и Нань Ван собрались в путь, их провожала вся деревня. Селяне наперебой совали лекарю нехитрые припасы и скромные подарки, но тот лишь вежливо улыбался и мягко отказывался от подношений. Нань Ван никак не мог распрощаться с Тянь Тянем.

— Я обязательно вернусь за тобой! Слышишь? Жди меня! — кричал он, всю размахивая рукой уже у самой околицы.

Тянь Тянь, прячась за широкой спиной деда, тихонько утирал слезы кулаком и махал в ответ, пока две дорожные фигуры не скрылись за поворотом лесной тропинки.

— Дедушка, — внезапно пролепетал он, дергая старика за край рубахи. — А ведь у Нань Вана на шее висит точно такой же нефритовый цветок сливы, про который ты вчера рассказывал.

Старик нахмурился, стараясь выглядеть строго:

— Ах ты проныра! Опять подслушивал взрослые разговоры?

— Так это тетушкина подвеска? — не унимался мальчик.

— Нет, — вздохнул старик, и его лицо мгновенно смягчилось. — Это подвеска твоей покойной бабушки.

— А почему она оказалась у Нань Вана?

Старик ничего не ответил. Он лишь молча положил натруженную ладонь на голову внука. На его изрезанном морщинами лице проступила такая бездонная скорбь, которую не в силах был сгладить даже теплый утренний свет.

— Учитель, учитель! А вы теперь знаете, куда делись те люди, которых околдовали Техникой иллюзий? — спросил Нань Ван, стараясь не отставать от быстрого шага наставника.

Лань Мулинь вел его за руку по узкой лесной тропе.

— Они забрели туда, куда простым смертным ход заказан, и увидели то, чего видеть не следовало, — ровным голосом ответил он. — Кое-кто очень влиятельный решил замести следы и заставить их замолчать. Вот беднягам и не повезло.

— И что же они увидели, учитель?

Он лишь загадочно усмехнулся и промолчал.

Видя его молчание, Нань Ван разочарованно надулся:

— Вы и сами не знаете? Вам не рассказали?

— Рассказали, — рассмеялся лекарь, ласково взъерошив мальчику волосы. — Но всему свое время. Подрастешь — узнаешь.

«Опять он считает меня несмышлеником, — обиженно подумал Нань Ван. — А я ведь уже совсем взрослый. И вчерашний разговор понял до единого слова».

«Значит, тот добрый дедушка — мой родной дед. А Тянь Тянь — мой двоюродный брат...»

От этих мыслей на душе становилось тепло, но в то же время невыносимо тоскливо.

Он размышлял об этом всю дорогу, но делиться своими догадками с наставником не спешил. Раз дедушка просил держать все в тайне, значит, так надо. Наверняка старик хотел, чтобы внук прилежно учился врачеванию у молодого господина Ланя, обрел верное ремесло и в будущем, подобно своему учителю, странствовал по свету, спасая людские жизни.

Но все же слова деда не давали ему покоя. Они странно расходились с теми смутными,

пугающими сновидениями, что изредка преследовали его по ночам. Как на самом деле умерла его мать? Действительно ли она бросилась в реку от горя и безысходности после того, как ее предал возлюбленный? Или тогда произошло нечто куда более ужасное? И почему отец — тот самый великий мечник — так безжалостно бросил её на произвол судьбы?

Эти вопросы тяжелым грузом легли на плечи мальчика. Стоило ему закрыть глаза перед сном, как мысли уносили его в пучину безрадостных раздумий. Неудивительно, что вскоре он заметил перемену в поведении ученика.

— О чем ты опять задумался? — он легонько щелкнул мальчика по лбу, заметив, что тот замер с недоеденным паровым баоцзы в руках.

Путь привел их в Янчжоу. Остановившись на ночлег в небольшом придорожном трактире, они сразу привлекли внимание хозяина заведения. Узнав, что перед ним лекари, тот расплылся в широчайшей улыбке и велел подать на стол лучшие вина и закуски. В здешней глуши приличного лекаря днем с огнем не сыщешь — встретить его было чудом, похлеще встречи с самым речным божеством.

Нань Ван рассеянно моргал, глядя на то, как учитель ловко срывает печать с глиняного кувшина.

— Учитель, а мне можно пригубить? — с надеждой спросил он.

Он на мгновение задумался, а затем снисходительно хмыкнул:

— Ну ладно, совсем чуть-чуть.

Наставник плеснул ему на донышко маленькой чарки. Нань Ван тут же опрокинул ее в рот — и мгновенно зашелся в яростном кашле. Горло обожгло огнем, он прослезился, казалось, он сейчас выплюнет собственные легкие. Лань Мулинь мягко погладил его по спине, успокаивая:

— Тише ты, не торопись.

Насилу откашлявшись, мальчик поднял взгляд на учителя. Тот задумчиво покачал свою чашу, разглядывая мутноватую жидкость, а затем одним махом осушил её до дна. Нань Ван принялся усердно заедать горечь пресными овощами и тихо спросил:

— Учитель, но ведь лекарям нельзя пить хмельное? Разве это не вредит рукам?

Он медленно кивнул, ставя чашу на стол:

— Нельзя. Но сегодня день особый.

— И что же это за день?

Он опустил глаза, избегая взгляда ученика. Но Нань Ван успел заметить в его взоре такую разрывающую душу тоску, что у самого сжалось сердце. Учитель никогда не показывал слабости. Он всегда оставался безмятежным, как весенний ветер, дарил окружающим лишь тепло и участие.

— Учитель, что с вами? — робко спросил мальчик.

Он мгновенно спрятал печаль за привычной мягкой улыбкой:

— Пустяки. Не бери в голову.

«Опять он за свое».

Впервые Нань Ван осознал, что у его безупречного наставника тоже есть маска, под которой тот прячет свое истинное «я». Он-то наивно полагал, будто учитель — самый счастливый человек на свете, не знающий забот и печалей. Но, видать, беззаботных людей в Поднебесной попросту не существует. Сильные духом лишь глубже хоронят свое горе, оберегая покой других.

Нань Ван замер. Он заворуженно и с нарастающей тревогой наблюдал, как он наполняет чашу за чашей, осушая их без остановки. Мальчик хотел было удержать его, забрать кувшин, но слова застряли в горле. Он так и сидел неподвижно, пока учитель методично не прикончил два глиняных кувшина, окончательно захмелев.

Увидев, что он тянется за третьим, Нань Ван перехватил его руку:

— Учитель, хватит. Вы совсем пьяны, не нужно больше.

Он посмотрел на него мутным взором и глупо улыбнулся:

— Хорошо, не буду.

Нань Ван понимал: расспрашивать пьяного учителя о сокровенном — дурной тон. Протрезвев, тот наверняка сгорит от стыда. Задушив в себе жгучее любопытство, он мягко предложил:

— Учитель, может, поедите немного горячего?

Лань Мулинь вдруг тихо, как-то по-детски рассмеялся:

— А почему ты не спрашиваешь, с чего это я вдруг за кувшин взялся?

— Да ведь я уже спрашивал, учитель, — вздохнул мальчик, понимая, что алкоголь окончательно взял верх над разумом наставника.

Он преувеличенно изумленно округлил глаза:

— Неужели? И что же я тебе ответил?

— Сказали, что сегодня особенный день.

Услышав это, он замер. В его глазах вновь проступила давешняя скорбь — но теперь она была иной. В ней больше не осталось сил бороться и прятаться. Густая, как ночной туман, она словно подернула инеем его обычно ясный взгляд.

Нань Ван совершенно растерялся. Ему отчаянно хотелось поднять настроение учителю, обнять его или сказать что-то теплое, но он не знал ни причины этого горя, ни нужных слов. В итоге он лишь молча сжимал кулаки, не смея нарушить тишину.

Наконец, он едва слышно выдохнул:

— Три года назад...

Нань Ван подался вперед:

— Что случилось три года назад, учитель?

— В тот день я потерял его навсегда. Больше мы никогда не увидимся.

С этими словами по его щекам покатились крупные слезы. Человек, который всегда дарил миру лишь безмятежность и свет, сейчас плакал навзрыд. Сначала он беззвучно содрогался всем телом, а затем, бессильно уронив голову на сложенные на столе руки, разрыдался в голос.

Нань Ван застыл как вкопанный. Этот надрывный плач резал без ножа. Казалось, вместе со слезами из глубин души лекаря вырывалась выстраданная боль, которую тот слишком долго носил в себе под маской вечного благополучия. В ночной тишине трактира его всхлипы звучали особенно оглушительно. Нань Ван чувствовал, как сжимается его собственное горло, хотя и понимал лишь малую толику этой трагедии.

Кто мог так жестоко ранить его безупречного, доброго учителя? Какая невосполнимая утрата заставила его так горько рыдать?

Он плакал долго, безутешно, пока у Нань Вана окончательно не затекли ноги. Лишь когда плечи наставника перестали вздрагивать, а плач сменился ровным, тяжелым дыханием, мальчик понял, что тот уснул прямо за столом.

Аккуратно поднявшись, Нань Ван попытался перенести учителя на кровать, но побоялся потревожить его сон. Он так и стоял в нерешительности, пока он вдруг сам не зашевелился. Тот с трудом поднял хмельную голову, сфокусировал мутный взгляд на ученике и, вымученно улыбнувшись, пробормотал:

— Пойду прилягу...

Нань Ван лишь молча кивнул. Он затаил дыхание, наблюдая, как наставник, пошатываясь словно призрак, добрел до постели и рухнул на нее прямо в одежде. Мальчик поспешил следом, чтобы поправить одеяло.

Он уже лежал с закрытыми глазами, как вдруг хрипло спросил:

— А ты... знаешь, кто твой отец?

Нань Ван замер, сердце у него бешено заколотилось:

— Кто? — едва слышно выдохнул он.

Он резко повернулся к стене и произнес имя:

— Нань Чэншу...

Мальчик долго стоял посреди темной комнаты, не в силах пошевелиться. Лишь когда ночной холод начал пробираться до костей, он опомнился, задул догорающую свечу и тихо лег рядом.

Ночь выдалась тяжелой. Лань Мулия терзали кошмары, он то и дело тревожно вздрагивал и просыпался. Нань Ван так и не смог сомкнуть глаз. Его мысли витали далеко отсюда. Стоило наставнику в очередной раз заворочаться, как мальчик мгновенно оборачивался к нему:

— Учитель, что с вами? Опять кошмар?

Но лекарь не отвечал, погруженный в глубокий бред. Он лишь без конца шептал сквозь сон одно-единственное имя. Нань Ван придвинулся ближе, затаив дыхание, и наконец разобрал:

— Цяньсы... Цяньсы...

Наутро, едва открыв глаза, Нань Ван увидел, что учитель уже сидит на краю постели — собранный, строгий и непривычно серьезный. Заметив, что ученик проснулся, он пристально посмотрел на него и спросил:

— Нань Ван, скажи честно... вчера ночью я ничего лишнего тебе не наговорил?

Мальчик еще не успел толком прогнать остатки сна, но от этого вопроса мгновенно взбодрился. Немного поразмыслив, он тихо ответил:

— Учитель... вы сказали, кто мой отец.

Как он и ожидал, он при этих словах заметно вздрогнул. Наставник опустил голову и долго молчал, прежде чем глухо произнести:

— Нань Ван, приведи себя в порядок. Нам нужно серьезно поговорить.

Мальчик поспешно поднялся с постели. На душе у него было беспокойно. Он мучительно раздумывал, стоит ли упоминать о том, как учитель горько плакал вчера вечером и как звал его во сне по имени «Цяньсы». Скорее всего, он из-за выпитого вина ничего этого не помнил.

Когда Нань Ван наконец сел напротив наставника, в голове у него уже созрел план: если учитель сам спросит про слезы или бред, он признается. Если нет — он сделает вид, будто ничего не заметил, и постарается навсегда выбросить это из головы.

Он внимательно посмотрел на него и тихо спросил:

— И что ты теперь намерен делать?

— А? — Нань Ван растерялся, не ожидая такого прямого вопроса.

— Теперь ты знаешь имя своего отца, — повторил лекарь. — Каковы твои намерения?

Видя, что мальчик молчит, повесив голову, он вздохнул:

— Я не знаю, сколько ты помнишь из своего детства.

— Моего отца зовут Нань Чэншу, верно? — глухо отозвался Нань Ван. — Значит, он бросил мою маму, и она от горя бросилась в реку?

Он помедлил секунду, а затем кивнул:

— Похоже на то. Скажи... ты ненавидишь его?

Нань Ван поднял на него отрешенный взгляд:

— Моя мама погибла. Меня все детство клеймили безродным ублюдком, пинали и унижали как собаку, я едва не умер с голоду... Разве во всем этом виноват не он?

Он со всей серьезностью кивнул:

— Его вину отрицать глупо.

Мальчик вдруг горько и не по-детски зло усмехнулся:

— Учитель, будь вы на моем месте... вы бы его возненавидели?

Он уже открыл рот, чтобы произнести привычные слова о прощении и смирении, но внезапно в его памяти вспыхнули старые, болезненные воспоминания. Он осекся и проглотил готовую фразу. Повидав на своем веку немало людских судеб, он понимал: начини он сейчас читать нотации и призывать к великодушию, это лишь ожесточит израненное детское сердце. И мальчик в итоге повторит судьбу того, другого человека...

— Будь я тобой, я бы ненавидел его каждой частичкой души, — твердо произнес он. Прежде чем ученик успел возразить, он добавил: — Но мстить я бы не стал.

Слово «мечь» заставило Нань Вана вздрогнуть. Почувствовав, что его самые потаенные помыслы раскрыты, он упрямо закусил губу.

— Оставим в стороне вопрос, хватит ли у тебя сил одолеть его, — ровным голосом продолжил он. — Но даже если тебе удастся... как ты будешь жить дальше? Клеймо отцеубийцы не смыть ничем. Тебе не будет места среди людей.

— Да плевать мне на это! — яростно выкрикнул Нань Ван, вскакивая.

— А мне не плевать! — жестко оборвал его он.

Наставник впервые за все время говорил так сурово. Он смотрел с ледяной яростью:

— Ты мой ученик. Думаешь, я позволю тебе сгубить свою жизнь и превратиться в чудовище?

Нань Ван сдулся под этим натиском, бессильно опустил плечи и едва слышно прошептал:

— Но ведь из-за него я... из-за него я столько выстрадал...

— Из-за него тебя унижали и мешали с грязью? — мягко переспросил он, и его голос вновь наполнился привычным теплом. — Но ведь судьба в конце концов привела тебя ко мне.

Нань Ван застыл, во все глаза глядя на своего учителя. Ему нечего было возразить.

— Не встретить мы друг друга, где бы ты сейчас был? Скорее всего, твои кости уже давно сгнили в придорожной канаве, — тихо сказал он. — Но сейчас ты здесь, со мной. Как тебе живется? Разве кто-то смеет тебя обижать?

Мальчик послушно покачал головой.

— Наставник на один день — отец на всю жизнь, — с улыбкой заключил он. — Разве я не заменил тебе отца?

В горле у Нань Вана встал ком, к глазам подступили горячие слезы. Он попытался что-то сказать, но лишь беспомощно заикался:

— Учитель... я... я...

Он ласково потрепал его по плечу:

— Мы рождаемся в этом мире, чтобы радоваться жизни, ценить светлые мгновения и отпускать старые обиды. Только так можно обрести истинную свободу духа. Понимаешь?

Вспомнив, как безутешно рыдал его мудрый учитель прошлой ночью, Нань Ван ощутил странную смесь светлой грусти и щемящей нежности. Они пробыли в этом тихом городке еще некоторое время, восстанавливая силы. А когда пришел черед отправляться в путь, он сообщил, что до них дошли тревожные слухи из провинции Юйчжоу: поговаривали, в одном из тамошних поселений люди начали таинственным образом гибнуть от неведомого яда. И они двинулись на запад, навстречу новым дорогам.